

Замѣтки о журналахъ.

юнь 1856.

Разборъ статьи Н. Ф. Павлова о комедии «Чиновникъ». — О воспитаннѣ, Бема. — Мысли по поводу статьи «О воспитаннѣ» Даля. — Объ обязанностяхъ старшаго офицера на кораблѣ.

И стихотвореніемъ, и повѣстямъ, и драмамъ бываетъ иногда, какъ людямъ, счастье, ничѣмъ, повидимому, незаслуженное. Скажите, напримѣръ, за что всѣ чувствительныя сердца въ старинные годы выбирали для акомпанимента своихъ вздоховъ непремѣнно или:

«Стонеть сизый голубочекъ,
Стонеть онъ и день и ночь»...

или:

«Взвейся выше, понесися,
Сизокрылый голубокъ»...

между тѣмъ, какъ въ то же самое время были сотни другихъ пѣсенокъ. ничуть не уступавшихъ ни «сизокрылому голубку», ни «сизому голубочку» своею чувствительностью и гораздо лучше написанныхъ? За что изреченіе Суворова дало безсмертіе именно «Пригожей Поварихѣ»; а не другому какому нибудь плохому роману? Чѣмъ, наконецъ, и въ наши времена комедія «Чиновникъ» заслужила то особенное счастье, что возбудила живые споры въ обществѣ и подала поводъ къ появленію двухъ замѣчательныхъ разборовъ, изъ которыхъ одинъ читатели пробѣжали въ предъидущей книжкѣ нашего журнала, а первая половина другаго, принадлежащаго Н. Ф. Павлову, помѣщена въ № 11-мъ «Русскаго Вѣстника»? Русская драматическая литература не очень богата прекрасными новостями; но каждый скажетъ, что всякій годъ ставится у насъ на сцену, если не больше, то ужъ никакъ не меньше десятка новыхъ пьесъ, отличающихся гораздо бѣльшими литературными достоинствами, нежели послѣдняя пьеса графа Соллогуба. И, однакожь, онъ проходитъ безъ шума; а «Чиновнику» досталась громкая слава. Или эта комедія обратила на

себя общее вниманіе тѣмъ, что поразительно плохо? и того нельзя сказать о «Чиновникѣ»: онъ, правда, очень слабъ въ художественномъ отношеніи, но бываютъ сотни пьесъ еще гораздо слабѣе его,—и, однако же, о нихъ не говорятъ, а о немъ говорятъ. Странное счастье, незаслуженное счастье «Сизому голубочку», «Пригожей Поварихѣ» и «Чиновнику!»

Такъ ли? Въ самомъ ли дѣлѣ незаслуженное? Не на первый ли только взглядъ кажется, будто всѣ эти три произведенія получили свою извѣстность только благодаря капризу случая? Вѣдь случайно ничего не бываетъ на блѣдомъ свѣтѣ—ужели только «Сизый голубокъ» и «Чиновникъ» составляютъ исключеніе изъ общаго правила? Вѣроятно, извѣстность ихъ основана же на чемъ нибудь. О «Сизомъ голубкѣ» намъ некогда пускаться въ изысканія; но что «Чиновникъ» надѣлалъ шума не безъ причины, знаетъ каждый: благо, дѣло еще недавнее. Въ комедіи графа Соллогуба есть нѣсколько горячихъ словъ противъ злоупотребленій, которое возбуждаетъ общее негодованіе. Поэтому-то и возбудила она къ себѣ общее вниманіе.

Такъ. Но этимъ самымъ объясняемъ и запутывается дѣло. Если нѣкоторыя прекрасныя фразы «Чиновника» вызвали единодушныя аплодисменты, то за что же критика напала на эту комедію такъ безжалостно? Положимъ, что пьеса слаба, очень слаба; но вѣдь не говорятъ же о самыхъ слабыхъ пьесахъ такъ строго, какъ говорятъ о «Чиновникѣ» Н. Ф. Павловъ. Его разборъ написанъ чрезвычайно ѣдко. Неужели пьеса не заслуживала пощады за свои громкія фразы? Отчего такой гнѣвъ?

Оттого гнѣвъ, что высокія притязанія не могутъ не возбуждать жолчи, когда ими обнаруживается только незнаніе дѣла и неумѣнье взяться за него.

Въ чемъ эти высокія притязанія, эта неправда, намъ не нужно говорить: читатели знаютъ, какой вопросъ ставить «Чиновникъ» и какъ рѣшаетъ его. Въ главныхъ мысляхъ, критика г. Н. Ф. Павлова сходится съ тѣмъ, что было высказано въ нашемъ журналѣ по поводу пьесы графа Соллогуба. Надимовъ, столь самодовольный, съ такою гордостью выставившій себя въ примѣръ всѣмъ, такъ презрительно отзывающійся о всѣхъ, кромѣ себя, провозглашающій во всеуслышаніе, что Россія въ немъ нуждается и погибнетъ безъ него,—этотъ Надимовъ не знаетъ ни Россіи, ни людей, ни самого себя; онъ ни къ чему не способенъ, онъ поступаетъ хуже всѣхъ тѣхъ, противъ которыхъ возстаетъ. Надобно же разоблачить такого человѣка, надобно же доказать, что онъ самъ не понимаетъ того, о чемъ твердитъ. И если онъ выступаетъ на сцену съ намѣреніемъ сдѣлать другихъ подобными себѣ, то надобно же сказать, что онъ жестоко ошибается, считая себя образцовымъ человѣкомъ, и что истина, случайно примѣшиваемая имъ къ суетнымъ похваламъ самому себѣ, искажаясь въ его устахъ въ угоду его самолюбивымъ нечтаніямъ, перестаетъ быть истинною.

Съ этой цѣлью написанъ разборъ Н. Ф. Павлова, какъ и разборъ, помѣщенный въ «Современникѣ». Но г. Павловъ идетъ далѣе. Обнаруживая, что идея комедіи фальшива, онъ подробно эстетическою критикою доказываетъ, что фальшивость основной идеи погубила и художественное достоинство пьесы.

Черезъ это его разборъ получаетъ новое достоинство: въ немъ приобретаетъ русская литература прекрасный примѣръ истинной художественной критики, понятій о которой такъ затемнились послѣ смерти Бѣлинскаго.

Художественность состоятъ въ соотвѣтствіи формы съ идеею; потону, чтобы разсмотрѣть, каковы художественныя достоинства произведенія, надобно какъ можно строже изслѣдовать, истинна ли идея, лежащая въ основаніи произведенія. Если идея фальшива, о художественности не можетъ быть и рѣчи, потому что форма будетъ также фальшива и исполнена несообразностей. Только произведеніе, въ которомъ воплощена истинная идея, бываетъ художественно, если форма совершенно соотвѣтствуетъ идеѣ. Для рѣшенія послѣдняго вопроса надобно просмотрѣть, дѣйствительно ли всѣ части и подробности произведенія проистекаютъ изъ основной его идеи. Какъ бы замысловата или красива ни была сама по себѣ извѣстная подробность—сцена, характеръ, эпизодъ,—но если она не служитъ къ полнѣйшему выраженію основной идеи произведенія, она вредитъ его художественности. Таковъ методъ истинной критики. У насъ въ послѣдніе годы всѣ эти коренныя понятія запутались и затемнились. Люди, наиболѣе толковавшіе о художественности, рѣшительно сами не знали, что такое художественность. Они, забывъ обо всемъ, на что должна обращать главное свое вниманіе критика, вообразили, будто художественность состоитъ въ красивой отдѣлкѣ подробностей, въ украшеніи произведенія заботливо сдѣланными картинками и ловко обточенными фразами. О томъ, имѣютъ ли смыслъ эти украшения, нужны ли они для выраженія идеи, существуетъ ли, наконецъ, въ произведеніи какая нибудь идея, они и не думали спрашивать.

По ихъ понятіямъ, чѣмъ болѣе походить литературное произведеніе на хорошо обточенную игрушку съ пріятно звенящими бубенчиками, тѣмъ оно художественнѣе. Они совершенно возвратились къ невинной порѣ тріолетовъ и буримы. Если бы воскресли Буало и Лагарпъ, они обняли бы этихъ мастеровъ разбирать достоинства «красотъ пінтическихъ»; самъ Толмачевъ и даже самъ Бургій не отказали бы въ полномъ своемъ одобреніи ихъ тонкому вкусу.

Но публика не способна нынѣ восхищаться литературными игрушками, еще менѣе способна уважать разеужденія о достоинствахъ отдѣлки бубенчиковъ на игрушкахъ. Критика лишилась не только уваженія, даже вниманія читателей. Она стала скучна. Кому охота смотрѣть на то, какъ переливаютъ изъ пустого въ порожнее? Одного слова «художественность» стала уже довольно, чтобы навести тоскливыйнуну зѣвоту на самого безстрашнаго читателя.

Но пора ли прекратить эту забаву? довольно времени погублено на нее; довольно надѣла она всѣмъ.

Пора критикѣ вспомнить, что она должна быть не пустословіемъ объ игрушечныхъ бубенчикахъ. Чѣмъ же она должна быть? Не зачѣмъ пускаться въ длинныя разеужденія о томъ, чѣмъ должна быть критика, — укажемъ на разборъ «Чинovníка», написанный г. Н. Ф. Павловымъ: вотъ истинно художественная критика, вотъ та критика, которой требуетъ публика, потому что въ ней находятъ мысль и дѣло, а не пустыя рѣчи о красотахъ побрякунекъ.

Каждый помнитъ еще превосходныя письма г. Н. Ф. Павлова по случаю изданія «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями» Гоголя. Разборъ «Чинovníка» стоитъ, въ своемъ родѣ, этихъ писемъ. Больше мы ничего не скажемъ въ похвалу его новой статьи, потому что трудно принскать другую похвалу, выше этой.

Вы хотите говорить о художественности? Посмотрите же, какъ понимаетъ

художественность г. Павловъ, какъ онъ, ни на минуту не забывая объ идѣ произведенія, каждую подробность спрашиваетъ: «скажи мнѣ прежде, зачѣмъ ты здѣсь? дала ли тебѣ общая мысль комедіи право являться передо мною въ этой комедіи? Нужна ли ты для воплощенія идеи? Не противорѣчишь ли ты ей, вмѣсто того, чтобы оправдывать ее и оправдываться ею? Только тогда, если ты докажешь это, я спрошу, красива ли ты». И когда каждая сцена, каждый характеръ поочередно обличается въ несообразности съ идеею цѣлаго или въ излишности для нея, онъ неумолимо говоритъ: «быть можетъ, эта частность отличается щегольскою отдѣлкою, все равно: будь она красива или некрасива, — она неумѣстна, фальшива, противохудожественна». Быть можетъ, напримѣръ, салонъ графини описать очень изящными и подробными чертами, быть можетъ, вся вѣщность аристократизма выставлена въ лицѣ графини очень точно; но чувства и поступки графини носить ли на себѣ отпечатокъ аристократизма? Узнаемъ ли мы изъ комедіи графа Соллогуба, какъ чувствуютъ и поступаютъ дамы высшего общества? Нѣтъ. Нѣтъ? Такъ зачѣмъ же она графиня? зачѣмъ же ея аристократическій салонъ? Это рама безъ портрета, это надпись безъ предмета, къ которому должна относиться, въ этихъ подробностяхъ нѣтъ художественнаго смысла, авторъ испортилъ ими свою комедію, въ которой онъ излишни и фальшивы:

«Вообще надо замѣтить, что тутъ дѣйствуетъ какая-то графиня допотопная, а не графиня современная намъ. Иные писатели любятъ присвоивать себѣ, преимущественно передъ другими, званіе всѣхъ тонкостей въ свѣтскомъ кругѣ, называемомъ, если хотите, высшимъ обществомъ. Знаніе вто, благодаря нашимъ нравамъ, нашей фавіологіи и счастливо или несчастливо сложившимся историческимъ событіямъ, достигается легко и нисколько не сопряжено съ тѣми препятствіями, которыя была отличительною чертою народовъ Запада. Не было въ нѣтъ мудрости познакомиться съ графиней, съ убранствомъ ея коммодъ, съ ея гардеробомъ, проникнуть къ ней въ душу, послѣдовать движенію ея ума, опредѣлить понятія, принятія ея вѣдомъ. Нуженъ только талантъ. Но, повторяемъ, въ сочиненіяхъ нѣкихъ писателей не замѣтно дѣльнаго желанія изучать предметъ, который, по благопріятному стеченію обстоятельствъ, находится подъ рукою. Къ несчастью, все, что носить у насъ правильно или неправильно имя образованности: познанія, общественное положеніе, знакомство съ извѣстною средою людей, все употребляется часто средствомъ для одного чванства передъ другими. При внимательномъ взглядѣ не рѣдко можно увидѣть тамъ на днѣ ничего болѣе, какъ пустое тщеславіе. «Я профессоръ въ этой наукѣ не потому, чтобы имѣлъ особенныя способности, а потому, что ежедневно упражняюсь въ ней, я ежеминутно тамъ, гдѣ васъ нѣтъ». Это щегольство, основанное на ничтожныхъ случайностяхъ жизни, влечетъ за собою часто свое собственное навазаніе.

«Тотъ не знаетъ высшего общества, кто знаетъ его на тѣмъ только, чтобы сказать другимъ, что они его не знаютъ, какъ не можетъ назваться образованнымъ человекомъ тотъ, кто читаетъ книгу за тѣмъ только, чтобы похвастать ею. Да, ко многимъ воображеніямъ этого общества примѣшивалось у насъ почти всегда тайное чувство хвастовства, — и что же вышло? писатель превратился въ модистку съ Невскаго проспекта, въ столяра, въ бронзовыхъ дѣлъ мастера. Нарядить графиню по модѣ, поставить передъ ней вазу съ цвѣтами, убрать ея столъ разными бездѣлками, посадить ее въ кресла, обитыя бархатомъ, заставить непременно ѣздить верхомъ, постигать коверъ, вынуть у нея изъ головы всякую мысль, а изъ сердца всякое путное чувство — это значить изобразить свѣтскую женщину, графиню. Но, Боже мой, этотъ рецептъ ужъ извѣстенъ давно, это уже невыносимо скучно и страшно надоѣло. Вѣдь въ свѣтской женщинѣ, въ графинѣ, несмотря на то, что она графиня, можетъ также быть вообра-

женье, тонкость ума, живость чувства, какое нибудь пониманіе того, что дышетъ, движется, мыслить и чувствуетъ около нея. Ошибитесь, рада Бога, въ ея туалетѣ, нарушьте требованія моды, оставьте въ покоѣ письменный столъ, верховыхъ лошадей, избавьте насъ отъ воровъ, отъ мебели, но схватите душу свѣтской женщины, уловите направлеше ея мысли, представьте вліяніе окружающихъ обстоятельствъ на ея природный характеръ. Что это за графиня? затѣе увлекать ее отъ насъ, готовить съ такою нѣжностью любоваться ею, въ сферу давно забытыхъ индѣйскихъ вастъ, и насильственно разрывать у нея всѣ точки соприкосновенія съ мелкими чиновниками, когда ни вѣкъ, ни она сама, какъ она есть въ самомъ дѣлѣ, не требуютъ такой разрозненности. Нѣтъ, неправда, что современная графиня, какъ янорожденное дитя, не знающее ни людей, ни ихъ отношеній, испугается губернаторскаго чиновника; неправда, что задумается посадить его. Современная графиня не такъ труслива и не такъ младенчески добродѣтельна. Не только въ деревнѣ, но и въ Петербургѣ она приметъ чиновника съ ласковымъ словомъ, съ очаровательнымъ взглядомъ, посадить и тогда, когда онъ будетъ не щегольски одѣтъ, протанетъ ему даже въ иномъ случаѣ, судя по важности дѣла, два нѣжные пальчика, согласно обычаю, перенятому нами у англичанъ. Въ деревнѣ, особенно, графиня не такъ недоступна и не такъ легкомысленна, какъ многіе воображаютъ. Тамъ онъ становится очень обходительнымъ со всѣми, кто язучень, расчетливы, иногда скупы; онъ, напротивъ, свѣшать знакомиться съ полезными чиновниками в, должно сказать къ чести современныхъ графинь, часто умѣютъ обдѣлывать свои практическія дѣла гораздо лучше, чѣмъ мужчины. Вы видите, что свѣтская женщина на балѣ легка, какъ зефиръ, и вѣрите ей! Такой взглядъ à vol d'oiseau можетъ вести къ важнымъ заблужденіямъ. Нѣтъ, кто же графиня изъ нынѣшняго Петербурга или изъ нынѣшней Москвы, а маркиза изъ древнихъ записокъ Saint-Simon. Виновать! маркизы были все-таки умнѣ нашей графини».

Надимовъ говоритъ графинѣ великолѣпныя фразы объ отечествѣ, священномъ долгѣ, самоотверженіи и проч. Хороши ли онѣ сами по себѣ, до этого художественной критикѣ будетъ дѣло только тогда, когда она узнаетъ, умѣстны ли, нужны ли здѣсь онѣ. Кто этотъ Надимовъ? Зачѣмъ онъ здѣсь? О томъ ли онъ долженъ говорить, о чемъ теперь разглагольствуетъ, рисуясь передъ графиней?—Нѣтъ. Нѣтъ? Такъ онъ говоритъ неумѣстно и фальшиво. Да и вообще имѣетъ ли онъ право приписывать себѣ тѣ качества, которыми хвалится? Чѣмъ онъ ихъ доказалъ? Ничѣмъ.—Ничѣмъ? о, такъ онъ самохвалъ, ни больше, ни меньше; а идея произведенія требуетъ, чтобы онъ былъ человѣкомъ дѣльнымъ,—стало быть, его лицо противорѣчитъ идеѣ комедіи, оно противохудожественно, оно губитъ комедію.

«Малая графиня не поняла не едваго слова. Да и на что ей разсужденія о службѣ? она переходитъ къ вопросу, который ей ближе, къ вопросу о счастья, къ вопросу о любви, и если Надимовъ, для бесѣды съ вѣю, забылъ свою обязанность, то она, становясь на его мѣсто, превращается въ чиновника, приступаетъ въ слѣдствію и допрашиваетъ немилосердно:

«А счастья вы не ищете?

«Кого же вы любите?

«Надимовъ. Я-съ, графиня? да, я живу любовью, я постоянно счастливъ въ любви.

«Графиня становится въ непріятно. Онъ живетъ уже, а не начинаетъ жить; слѣдовательно, эта любовь не относится къ ней. Надимовъ продолжаетъ.

«—Да-съ, я счастливъ въ любви съ тѣмъ поръ, какъ догадался, гдѣ надо искать ее. Я нашелъ такую любовь, на которую положиться можно, которая навѣрно и никогда не измѣнитъ.

«Графиня. Какую же это?

«И графиня и мы заинтересованы чрезвычайно. Любопытство наше возбуждено до немощности. Мы пылаем нетерпѣньемъ узнать поскорѣе эту чудную женщину, ниспосланную небесами, въ нѣхъ благодати, губернаторскому чиновнику, прѣѣзжавшему по дѣлу о затопленныхъ лугахъ Дробинкина, эту воспитательную любовь, которая навѣрно и никогда не измѣнитъ. Надимовъ называетъ намъ ее. Судите же о горечи нашего разочарованія! Это обманъ. Это не живая дама съ миловиднымъ лицомъ и въ нарядномъ платьѣ, а дама-идея, идея огромная, уничтожающая, это Россія.

«—Любовь къ нашему отечеству, любовь къ Россіи, говоритъ Надимовъ. Этого чувства на всю жизнь хватитъ и съ избыткомъ даже».

«И у графини и у насъ опускаются руки. Надимовъ любить Россію и, какъ кажется, сколько кто проглядываетъ въ его словъ, увѣренъ немного во взаимности, хотя до него великіе люди жаловались большею частью на холодность и неблагодарность отечества: Аристархъ былъ выгнанъ, Велисарій умералъ съ голоду. Любовь къ Россіи—чувство похвальное! да, его хватитъ на цѣлую жизнь и ве на одну даже, это правда: но зачѣмъ г. Надимовъ говоритъ объ этомъ? зачѣмъ такъ торжественно, съ такимъ лирическимъ аступленіемъ? развѣ это какая нибудь диковинка? развѣ любить Россію есть привилегія, дарованная исключительно ему и приобретенная какими нибудъ усиліями? развѣ предполагается, что графиня не любить тоже Россіи? Давать чувствовать такое предположеніе было бы неучтиво. Разговоръ между образованными людьми основанъ на взаимныхъ уступкахъ, на взаимномъ благоволеніи другъ другу. Графиня очень ограниченная женщина; но не можетъ же Надимовъ сказать ей: я умею: не можетъ потому, что и графиня, какова она ни есть, должна приниматься за умную. Онъ умнѣе, умна и она. Не хочетъ ли Надимовъ намекнуть ей, что вотъ Мисхоринъ, котораго онъ ейчасъ видѣлъ, не любитъ Россіи; а я люблю? Конечно, Мисхоринъ, хотя щегольски, но нѣсколько пестро одѣтъ; да, во-первыхъ, Надимовъ не довольно хорошо его знаетъ, а во-вторыхъ, ронять въ мѣніи графини заочно кого бы то ни было не идетъ человѣку щегольски и весьма просто одѣтому. Для чего же, повторяемъ, говоритъ г. Надимовъ о своей любви въ Россіи, если предполагается, и должно по совѣсти и изъ учтивости предположить, что любить ее и графиня и Мисхоринъ и тѣ, которые на лицо, и тѣ, которые еще за кулисами? Я люблю, а графиня скажетъ: и я люблю; послѣ этого слѣдуетъ: ты любишь, мы любимъ. Что жъ это за разговоръ? это повтореніе грамматики, спряженіе дѣйствительнаго глагола и ничего болѣе.

«Любовь въ отечеству не заслуга, не преимущество, не достоинство. Это чувство инстинктивное, невольное. Любишь и потому, что не любить не можешь, и потому, что въѣ отечества нигде не годишься и никому не нуженъ. Не любить было бы гораздо мудренѣе, чѣмъ любить. Человѣкъ живетъ во времена и въ пространствѣ, иначе въ землѣ и жить нельзя. Отечество есть именно пространство, одно изъ условій его существованія. Все, что въ насъ есть, нашъ духовный и физическій составъ, все образовалось на этой почвѣ, въ этомъ воздухѣ; все, что заимствовали мы нѣтъ-подъ чужаго неба, приобретено нами по милости той же почвы и того же воздуха. Да и кто же любитъ отечества? гдѣ эти люди, эти народы? есть такіе, которые управляютъ съ тоски по немъ. Не станемъ прибѣгать къ вопливымъ возгласамъ о благодарности: въ любви къ отечеству таится идея болѣе существенная и болѣе истинная—идея необходимости. Поэтому, покинемъ ли мы Петербургъ и выберемъ своей резиденціей городъ Устьсысольскъ, опредѣлимся ли на службу въ псалы становаго пристава, или пойдемъ положить голову за Россію, намъ всѣмъ равно любезную и равно дорогую. мы не имѣемъ права становиться въ ходули и высовываться въ необозримой массы обыкновенныхъ людей; провозглашая громкогласно, что таемъ любовью къ своему отечеству. Даже, прибывъ въ мѣніе графини или еягнии, по жалобѣ Дробинкина о двухъ или трехъ стогахъ сѣна, мы должны совершить этотъ подвигъ, не увѣряя другихъ, что спасаемъ Россію или приносимъ ей пользу. Этого требуетъ чувство уваженія въ себѣ, чувство нравственного приличія, этого требуютъ и законы смѣшнаго. Вы вступили въ должность муравья и тащите песчинку на огромную гору, — прекрасно, но что же изъ этого? неужели это должно послужить поводомъ къ диссертации о любви

къ отечеству? Впрочемъ, г. Надимовъ и песчинки-то не тащить: до сихъ поръ онъ только разговариваетъ; а какъ примѣръ соблазнительнъ, то мы боимся, что въ губервіи, гдѣ онъ поселился, будетъ большое запущеніе въ дѣлахъ. Всѣ закипятъ любовью и перестанутъ писать. Видно любовь, даже и въ отечеству, отвлекаетъ чело-вѣка отъ занятій. Но, вамъ скажутъ, онъ отказался отъ удовольствій столицы, пренебрегъ наслажденіями богатства, заѣхалъ въ какую-то трущобу, принеся жертву. Это опять не исключительное положеніе. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ губерніяхъ служатъ много чиновниковъ, которые и жили въ Петербургѣ, и богаты, и путешествовали. Что касается до жертвы, тутъ вопросъ важнѣе. Чтобъ жертва получила общественное значеніе, для этого нужны ея плоды, нужно не собственное мнѣніе, а мнѣніе другихъ. Инако нѣтъ средства отличить черту самоотверженія отъ побужденій эгоизма. Пріѣхать изъ Петербурга въ губернію можно отъ сплина, отъ нечего дѣлать, отъ неудачъ, изъ мелкаго честолюбія выказать себя. Г. Надимовъ любить какъ-то огромно. Любить всю Россію не легко. Отчего бы не ограничиться какою нибудь изъ ея частей? полюбить бы хоть одну губернію. Россія такъ обширна, что есть изъ чего выбрать. Вотъ, на-примѣръ въ эту минуту, какъ онъ изъясняется въ своей нѣжности къ цѣлому, части этого цѣлаго, то есть понятые или окольные люди, безъ которыхъ нельзя составить законнаго удостовѣренія о ватопленныхъ лугахъ, лежать на травѣ или ендать, пригорюнившись, у конторы на завалѣхъ, оторванные отъ своихъ работъ, въ ожиданіи, когда будетъ угодно губерискому чиновнику спросить ихъ, Богъ знаетъ зачѣмъ и Богъ знаетъ о чемъ. Они, вѣроятно, также любятъ Россію, но, одаренные бѣдшимъ знаніемъ свѣтскихъ условій, любятъ молча.—Мы говорили до сихъ поръ, не касаясь важнаго опроверженія, которое можетъ быть вамъ сдѣлано. Г. Надимовъ можетъ возразить, что его любовь особеннаго рода, не та, какую мы излагали: онъ любитъ лучше и разумнѣе, чѣмъ эти несчетные миллионы людей. Точно, инстинктивное чувство любви къ отечеству переходитъ иногда въ другую, высшую степень, въ сознаніе, возводится въ идею, и, правда, чело-вѣкъ приобретаетъ право сказать громко: я люблю Россію. Но за это право должно заплатить дорого. Оно дается немногимъ. Это достоиніе историческихъ лицъ, способствовавшихъ развитію, просвѣщенію, благоденствію и славѣ отечества. Тутъ любить мало: надо еще умѣть любить, надо видѣть ясно цѣль, куда любовь ведетъ, и находить въ душѣ своей средства для достиженія цѣли. Надо знать, почему люблю и для чего люблю. Тутъ уже всѣ помыслы чело-вѣка, всѣ его шаги, всѣ дѣйствія обращены на служеніе одной, всепоглощающей идеѣ. Съ нимъ уже не беспокойтесь, не наряжайте графинь и не ставьте бронзовыхъ бездѣловъ на ихъ столики. Для него и нарядна, и прекрасна, и молода одна Россія. Ея только образъ будетъ носиться у его изголовья. Да, существуетъ любовь разумная, любовь не инстинктивная, любовь-идея; но много ли сердецъ, способныхъ биться ею?»

Вотъ это можно, дѣйствительно, назвать художественною критикою. Такихъ статей не могутъ писать Надимовы, будутъ ли чиновниками, или драматургами, или критиками. Противъ такихъ разборовъ они не устоятъ. Тутъ говорить чело-вѣкъ, и имѣетъ право говорить, потому что понимаетъ, въ чемъ дѣло, и, между прочимъ, понимаетъ, что такое художественность и чего надобно требовать отъ литературнаго произведенія. Больные такихъ статей давайте намъ, господа русскіе критики, и вы увидите; будетъ ли уважать васъ публика. Вы, быть можетъ, умѣете хорошо писать,—публика не знаетъ этого, потому что—грѣха нечего таять—она не читала вашихъ минно-художественныхъ разборовъ, быть можетъ, и прекрасно написанныхъ. Не читала потому, что вы думали, будто можно заинтересовать ее разеужденіями объ узорахъ, цвѣточкахъ и кудерькахъ, какъ бы хороши ни были эти кудерьки и узоры, и какими бы красными словами, какими бы кружевными періодами ни объяснялись ихъ граціозные изгибы и хитросплетенія. Какое кому дѣло до всѣхъ этихъ прикрасъ?

У васъ, быть можетъ, есть талантъ и вкусъ. Вы думали, что этого довольно. Нѣтъ, кромѣ того, нужна дѣльная мысль, нужно знаніе дѣла. Вы пишете хорошо, и васъ никто не поблагодарилъ ни однимъ словомъ за вѣщаніи краснорѣчивыя страницы, и вы сами не были довольны другъ другомъ: такъ сильна потребность дѣла и правды, что даже мысль: «онъ занять тѣмъ же, чѣмъ я», не могла пересилить въ васъ сознанія: онъ занять пустяками». И вотъ, сравните съ своими искусными періодами тѣ простые или, быть можетъ, даже неловко написанные отрывки, которые мы приводимъ ниже, и скажите: не въ тысячу ли разъ живѣе и лучше краснорѣчивыхъ разеужденій о художественности токарныхъ издѣлій и филигранныхъ прикрасъ эти небрежныя, чуждыя литературной отдѣлки слова? Отчего жъ разница? Вѣдь предметы, о которыхъ вы пишете, гораздо живѣе и интереснѣе, нежели сухіе вопросы, о которыхъ идетъ тамъ рѣчь? Вѣдь вы пишете о поэзіи, и вѣдь въ поэзіи жизнь и страсть — и, однако же, всё, и вы сами первые, дремали и умирали отъ скуки надъ этими толками о поэзіи. А вотъ люди, которые и не претендуютъ равняться съ вами въ искусствѣ сочинительства, пишутъ о предметахъ гораздо менѣе увлекательныхъ — о воспитаніи дѣтей, о должности старшаго офицера на какомъ-нибудь фрегатѣ: кажется, читателю позволительно бы зѣвнуть надъ разеужденіями о такихъ сухихъ матеріяхъ, и, однакожъ, кто не пробѣжитъ съ интересомъ тѣхъ выписокъ, которыя мы сейчасъ приведемъ? Отчего жъ это? Едва ли не отъ того, что слова этихъ людей служатъ выраженіемъ дѣльной мысли, а не прикрытіемъ пустоты.

— Кстати. «Морской Сборникъ», о которомъ часто случается слышать разговоры въ обществѣ, и разговоры всегда въ одномъ и томъ же духѣ полной признательности къ замѣчательнымъ достоинствамъ этого изданія, безъ сомнѣнія, занимающего первое мѣсто между нашими спеціальными журналами, — въ послѣднее время приобрѣлъ еще болѣе живости и разнообразія. Мы не будемъ перечислять всѣхъ заслуживающихъ одобреніе публики статей его, а хотимъ только замѣтить одну изъ тѣхъ особенностей, которыя наиболѣе содѣйствуютъ оживленію журнала. Нерѣдко въ немъ помѣщается цѣлый рядъ статей объ одномъ и томъ же предметѣ, писанныхъ различными авторами, смотрящими на вопросъ съ разныхъ точекъ зрѣнія: одинъ предлагаетъ на обсужденіе своимъ сотоварищамъ по занятію мысли, внутренняго ему опыта жизни и службы; другой разбираетъ эти мысли, приводитъ новыя доказательства въ подтвержденіе ихъ или дѣлаетъ замѣчанія, возраженія; авторъ статьи, подавшей поводъ къ этимъ замѣчаніямъ, выражаетъ о нихъ свое мнѣніе, признавая ихъ справедливость или разъясняя тѣ пункты, которые первою статьею не были опредѣлены съ достаточною подробностью. Иногда и еще новыя лица принимаютъ участіе въ этой бесѣдѣ, которая всегда ведется въ «Морскомъ Журналѣ» со всею откровенностью литературнаго дѣла и со всею деликатностью разговора людей просвѣщенныхъ наукою и житейскою опытностью. Ни съ той, ни съ другой стороны не бываетъ ни ложныхъ уступокъ изъ лицепріятія, ни полемическаго увлеченія: каждый говоритъ твердо и вѣстѣ спокойно. Такимъ образомъ, мнѣніе одного разъясняется и дополняется мнѣніемъ другаго, и одна только несомнѣнная истина остается результатомъ бесѣды, иногда очень живой и занимательной. Мы указемъ два случая, которые могутъ слу-

жить прекрасными примѣрами пользы, доставляемой истинѣ откровеннымъ раз-
мѣномъ мыслей. Въ одномъ дѣло идетъ о вопросѣ, общемъ для всѣхъ—о во-
спитаніи; другой ближайшимъ образомъ относится къ морскому дѣлу, но имѣетъ
своимъ предметомъ отношенія, повторяющіяся во всѣхъ сферахъ общественной
жизни, и потому едва ли уступаетъ первому своимъ интересомъ для каждого
читателя, къ какому бы званію ни принадлежалъ этотъ читатель.

Въ № 1-мъ «Морскаго Сборника» за нынѣшній годъ была помѣщена
статья г. Бема «О воспитаніи», написанная прекрасно. Авторъ съ большимъ
знаніемъ дѣла говорилъ о цѣли воспитанія, объ отношеніяхъ семейнаго воспи-
танія къ общественному, о томъ, какіе предметы должны входить въ кругъ
общаго преподаванія, и о степени относительной важности каждого изъ нихъ,
о различныхъ методахъ преподаванія и воспитанія. Изъ людей, прочитавшихъ
это разсужденіе, почти каждому,—въ томъ числѣ, признаемся, и намъ,—ка-
залось, что статья касается всѣхъ главныхъ сторонъ предмета, и что если
можно о томъ или другомъ изъ объясненныхъ авторомъ вопросовъ думать не
совершенно одинаково съ нимъ, то едва ли можно указать вопросъ, котораго
онъ не коснулся бы. Но въ предисловіи къ статьѣ г. Бема Морской Ученый
Комитетъ, завѣдующій издаваніемъ «Сборника», предлагалъ каждому читателю
высказать свое мнѣніе объ этомъ важномъ для всѣхъ предметѣ. «Морской
Ученый Комитетъ»—говорило предисловіе—«обращается ко всѣмъ, кому до-
рого отечественное воспитаніе, особенно же къ родителямъ и воспитателямъ,
съ покорнѣйшею просьбою о доставленіи въ редакцію «Сборника» своихъ за-
мѣчаній, возраженій, взглядовъ, по поводу этой статьи, имѣющей предметомъ
одну изъ насущнѣйшихъ потребностей всякаго, а тѣмъ болѣе—еще юнаго—
русскаго общества».

Приглашеніе, сдѣланное такъ благородно, не осталось безъ отвѣта, и въ
слѣдующихъ книжкахъ «Морскаго Сборника» явилось нѣсколько статей по по-
воду разсужденія г. Бема. Мы не будемъ разсматривать достоинствъ или не-
достатковъ каждой изъ нихъ: наша рѣчь клонится только къ тому, чтобы
сказать, что въ одной изъ этихъ статей была указана совершенно новая точка
зрѣнія на предметъ, была выставлена на видъ истина, о которой слишкомъ
часто забываютъ, но которая имѣетъ существеннѣйшую важность въ этомъ
дѣлѣ. Заслуга напомнить объ этой истинѣ принадлежитъ г. Далю. Его «Мы-
сли по поводу статьи: о воспитаніи», напечатанныя въ майской книгѣ «Мор-
скаго Сборника», заслуживаютъ величайшаго вниманія, какъ по своей спра-
ведливости, такъ и по рѣдкой откровенности, съ какою сообщилъ онъ намъ
результаты своей извѣстной наблюдательности. Вотъ отрывки его прекраснаго
размышленія, или, скорѣе, разсказа:

«Не столько въ сочиненіяхъ о воспитаніи, сколько на дѣлѣ, весьма не рѣдко
упускается изъ виду бездѣлица, которая, однако же, не въ примѣръ важнѣе и полно-
вѣснѣе всего остальнаго: воспитатель самъ долженъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ
хочетъ дѣлать воспитанника, или, по крайней мѣрѣ, должны искренно и умо-
лительно желать быть такимъ и всѣми силами къ тому стремиться.

«Прослѣдите же нѣсколько за нравственною жизнью воспитателей, познайте, съ
какою искренностію и съ какими убѣжденіемъ они слѣдуютъ не на словахъ, а на дѣлѣ
своему ученію, и у васъ будетъ мѣрило для надеждъ вашихъ на всѣ ихъ успѣхи.

«Если бы, на примѣръ, воспитанники, по общей молвѣ, рассказывали другъ другу.

что-де такой-то воспитатель нашъ безпутно проноталъ все, а свое я чужое, в спасся отъ омончательнаго крушенія въ нѣрвой пристани, въ заведеніи, при которомъ состоитъ, не отказываясь, впрочемъ, и нынѣ кутнуть на чужой счетъ, гдѣ случай представится,—но дѣлаетъ это очень ловко, осторожно и скрытно; если бы говорили о другомъ, что овъ, какъ хорошій хозяинъ, былъ въ свое время всегда избиралъ товарищами для заведыванія общимъ столомъ и также считъ за лучшее удалиться подъ конецъ съ этого поприща и отъ довѣрчивыхъ товарищей вступить въ новый и болѣе чужой кругъ; если бы всѣмъ разсказывали о третьемъ, что онъ ставитъ въ поведеніи полныя балы всѣмъ воспитанникамъ, которые не берутъ казенныхъ сапоговъ, а ходятъ въ своихъ; о четвертомъ, что, бесѣдуя въ классахъ о разговорныхъ пустякахъ, при вневальномъ входѣ начальника, съ удивительнымъ спокойствіемъ и находчивостью продолжаетъ бесѣду, тѣмъ же голосомъ, тѣмъ же выраженіемъ, но отрывая прежде пустословіе свое на половинѣ слова, переходя къ продолженію преподаванія, котораго прежде того и не начиналъ,—словомъ, если бы воспитанники были такого рода или подобнаго мнѣнія о воспитателяхъ своихъ: какихъ вы бы ожидали отъ того послѣдствій? Повѣрите ли вы, что изъ рукъ такихъ воспитателей выйдутъ молодые люди высокой нравственности, благородные, правдивые?

«Что вы хотите сдѣлать изъ ребенка? Правдиваго, честнаго, дѣльнаго человѣка, который думалъ бы не столько объ удобствахъ в выгодахъ личности своей, сколько о пользахъ общественной,—ве такъ ли? Будьте же сами такими: другаго наставленія вамъ не нужно. Незримое, но и неотразимое, постоянное вліяніе вашего благодушія побѣдитъ зародыши зла и постепенно изгонятъ ихъ. Если же вы должны созваться, въ самомъ заѣзномъ тайникѣ души своей, что правила ваши шатки, слова и поступки не одинаковы, приравниваясь къ обстоятельствамъ, что облыжность свою вы оправдываете словами: живутъ же люди неправдой, такъ и намъ не лопнуть стать; что вы наконецъ и въ воспитатели попали потому только, что безъ хлѣба и безъ мѣста жить нельзя, словомъ; если вы въ тайникѣ совѣсти своей должны сознаться, что вы желаете сдѣлать изъ воспитанника своего совсѣмъ не то, что вышло изъ васъ, тогда, добрый человѣкъ, вы въ воспитатели не годитесь, какихъ бы наставленій вы ни придерживались, чего бы ни начинались. Не берите этого грѣха на душу; несите съ собой, что записали, а отвѣчайте за себя.

«Если бы, напримѣръ, воспитатель, по врожденнымъ или наслѣдственнымъ свойствамъ своимъ, на *дѣлѣ*, стоялъ на трехъ сваяхъ—авось, небось, да какъ *нибудь*—а на словахъ неумолчно проповѣдывалъ: *добросовѣстность, порядокъ и основательность*, то чтобы изъ этого вышло? Вѣрите мнѣ, и воспитанники его стаяютъ, въ свою очередь, поучать хорошо, а дѣлать худо.

«Если бы воспитатель не находилъ въ себѣ самомъ основательныхъ причинъ для чего ему отказываться отъ обычныхъ средствъ жизни, то есть: прокармливая казеннаго воробья, прокормишь и свою коровушку, то какія убѣжденія овъ въ этомъ отношеніи невольно и неминуемо передастъ воспитаннику?

«Если бы воспитатель свылся и сжился, можетъ быть, и безсознательно съ правиломъ: не за то бьютъ, что укралъ, а за то, чтобы не попадался, то какія понятія онъ объ этомъ передастъ другому, младшему? Какія правила, конспекты, программы, курсы и наставленія на бумагѣ и на словахъ могутъ совершить такое чудо. чтобы воспитанники современемъ держались понятій и убѣжденій противоположныхъ?

«Всего этого къ кожѣ не пришьешь. Если острожъ шипы на дычкѣ, чтобы онъ съ виду походилъ на садовую яблоню, то отъ этого не дастъ онъ лучшего плода: все тотъ же горько-сладъ, та же кислота. Надобно, чтобы прививка принялась и пустила корень до самой сердцевины дерева, какъ оно пускаетъ свой корень въ землю.

«Съ чего вы взяли, будто бы изъ ребенка можно сдѣлать все, что вамъ угодно, наставленіями, поученіями, приказаніями и наказаніями?—Внѣшними усиліями можно передѣлывать одну только наружность. Топоромъ можно оболванить какъ угодно погѣшко, можно даже выстрогать его, подкрасить и покрыть лакомъ, во древесина отъ этого не измѣнится: погѣно въ сущности осталось погѣномъ.

«Воспитатель долженъ видѣть въ мальчикѣ живое существо, созданное по образу и подобию Творца, съ разумомъ и со свободной волей. Задача состоитъ не въ томъ, чтобы изнасиловать и пригнѣсти всѣ порывы своеволия, предоставляя нѣтъ скрытно мучать подъ обманчивою наружностью и вспыхнуть со временемъ на просторѣ и свободѣ: нѣтъ! задача эта вогъ какая: примѣромъ на дѣлѣ и убѣжденіями, текущими орано изъ души, заставить мальчика понять высокое нравеніе свое, какъ человѣка, какъ подданнаго, какъ гражданина, заставить страстно полюбить—какъ любить самъ воспитателя, не, болѣе того—Бога и человѣка, а стало быть и жить въ любви этой не столько для себя, сколько для другихъ...

«Мальчикъ, съизмала охочѣи копаться надъ какою нибудь ручною работою, слушая въ заведеніи, гдѣ воспитывался, физiku, задумалъ самъ построить электрическую машину. Втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ собирать онъ я копилъ гривенные доходы свои я, отправившись на каникулы къ дядѣ, съ жаромъ принялся за это дѣло. И спать и видѣть свою машину. Навучивъ на толкущемъ нѣсколько стеклавныхъ стоекъ—остатки какой-то великобѣнной люстры или паликадила, и разбитое зеркало толстаго стекла, онъ около двухъ недѣль провозился за обдѣлкой его, чтобы, чуть не голыми пальцами двѣ зубами, округлить стекло, обтереть или обточить его и просверлить въ срединѣ дыру. Съ этимъ-то запасомъ подъ мышкой, онъ, по окончаніи каникулъ, отправился обратно въ заведеніе, счастливый и довольный и, притомъ, гнѣшій, потому что гривенникъ, отпускаемый ему на нвощина, ушелъ за строительные припасы.

«Ему надо было пройти Исаиенскую площадь. Только что успѣлъ онъ поровняться съ домомъ, стоявшимъ тогда рядомъ съ домомъ графини Лаваль, какъ надъ нимъ раздался громкій голосъ: «мальчикъ! Эй, мальчикъ! поди сюда!» Взглянувъ на помянутый домъ, мальчикъ нашъ встрѣтилъ въ растворенной форточкѣ знакомое и страшное лицо воспитателя, которому, однако же, онъ лично знакомъ не былъ, и прозваніи овъ его не зналъ, потому что былъ изъ другаго класса. «Поди сюда, мерзавецъ! что ты это несешь?» Робкій дѣтскій голосъ пробормоталъ что-то неслышное при слукѣ каретъ по мостовой. Тотъ, перебивая я стувъ каретъ этиъ, повторилъ вопросъ свой до нѣсколькихъ разъ и, наконецъ, разсѣшавшись бранью, приказывать самымъ настоящимъ образомъ бросить стекло и свертокъ на мостовую. «Брось! брось сейчасъ, мерзавецъ!» кричалъ онъ, выходя изъ себя, а пойманный съ поличнымъ стоялъ навытяжку неподвижно подъ окномъ, хлопая глазами, молчалъ, но стекло свое крѣпко прижималъ подъ мышку. Развѣстаться съ этимъ стекломъ, бросить его на мостовую—это вовсе не въшчалось въ головѣ мальчика, онъ словъ этихъ не понималъ. «Такъ я жъ тебя!» закричалъ тотъ въ отчаянномъ негодованіи своемъ и, залопнувъ форточку, вѣроятно, поспѣшилъ насчетъ поимки и представленія подъ караулъ ослушника. Но этотъ бѣдникъ, съ электрической машиной подъ мышкой, самъ не зная, что дѣлаетъ, бросился безъ памяти бѣжать въ Галерную улицу, кинулся на перваго извощника, дрожа всѣмъ тѣломъ, переправился на перевозъ, запряталъ стекло съ принадлежностями въ самое скрытное, никому недоступное мѣсто, и только чрезъ мѣсяцъ, когда всякая молва и розыски по этому страшному дѣлу миновали, снова принялся за работу и благополучно окончилъ свое произведеніе.

«Помяну еще о другомъ случаѣ.

«Въ то время, въ заведеніи, гдѣ мы воспитывались, въ Новый годъ всегда давался маскарадъ, на который мы являлись—готовясь къ этому задолго—въ шпалерныхъ кафтаныхъ, пенъковыхъ парикахъ и бумажныхъ латахъ, со львиными головами на оплечьяхъ, изъ хлѣбнаго мякиша. Почти каждая рота изготовляла тайкомъ и приносила въ маскарадную залу свою пирамиду—великобѣнное бумажное зданіе, расписанное и раскрашенное, пропитанное масломъ и освѣщенное изнутри, гдѣ бѣдный фонарщикъ сидѣлъ, какъ въ банѣ, задыхаясь отъ жару я чаду. Я сказать не безъ умысла: «изготовляла тайкомъ»,—пирамиды эти строились очень скрытно и тайно, не столько ради нечаянности, какъ ради того, что подобное занятіе—какъ вообще всякая забава или занятіе, подающее поводъ къ отвлеченію отъ ученія и къ неоправности я сору въ спальняхъ—строго запрещалось. Между тѣмъ, когда, съ крайнимъ страхомъ и опасеніемъ,

удавалось скрытно окончить такое бумажное египетское произведение къ сроку, принести и поставить его на мѣсто и освѣтить, то всѣ воспитатели низшихъ, среднихъ и высшихъ разрядовъ не безъ удовольствія ходили вокругъ брэннаго памятника, отискивали и свои вензеля, съ иносказательными вѣнками и украшеніями, любовались этимъ и громко хвалили художниковъ, отдавая преимущество той или другой ротѣ.

«Вы спросите, можетъ быть, какой же смыслъ и толкъ въ ностушкахъ этихъ?— а вотъ, послушаемъ дальше.

«Вторая рота отличалась два или три года сряду огромностью и напѣствомъ своей пирамиды; въ первой ротѣ составленъ былъ заговоръ перешеголять на зотѣ разъ вторую. Сдѣлали общій сборъ. Гроши и гривны посыпались отъсвѣду. Помню, что одинъ мальчикъ, вовсе безденежный, не захотѣлъ, однако же, отстать отъ товарищей и, продавъ богачамъ утреннюю булку свою за три дня, по грошу каждую, внесъ три гроша въ общественное казначейство. Опытные художники взялись за дѣло. Изготовленная лучина отнесена была на чердакъ, картузная бумага была склеена, выкроена и скатана, чтобы удобнѣе было ее спрятать; вырѣзки разныхъ видовъ для картинъ, вензелей и украшеній розданы для работы по рукамъ, и каждый пряталъ свою у себя, какъ и гдѣ мотъ, чтобы не возбудить подозрѣнія. Всѣ принялись за работу такъ дружно, такъ усердно, что недѣли за двѣ или за три до срока знаменитая пирамида поспѣла. Надо было собрать лучниковые дѣла, пригнать чехолъ, и, наконецъ, оставалось только смазать масломъ просвѣты.

«Но въ декабрѣ на чердакѣ холодно, особенно въ одной курткѣ. Рѣшено было собрать пирамиду наскоро въ *умывальникъ*, въ такое время, когда нельзя было ожидать прихода воспитателя, и, притомъ, разставивъ, изъ предосторожности, часовыхъ, какъ дѣлають журавли, дорюя хлѣбъ, да обезьяны, опустошая сады и огороды. Бѣготня, суматоха, крикъ, радость—у главныхъ зодчихъ болѣе десяти помощниковъ, у каждого помощника по десяти подносчиковъ—дѣло кипитъ... но внезапно входитъ дежурный воспитатель, котораго называли внукомъ тогдашняго директора и очень боялись... Не берусь описывать подробностей происшедшаго побоища: негодование, неистовство этого человѣка превзошло всякое понятіе. Много розогъ было охлестано тутъ же, на мѣстѣ—это бы еще ничего—да безпримѣрное въ лѣтопнеяхъ маскарадныхъ зданіе, пирамида въ семь аршинъ вышины, была изломана, истоптана ногами и сожжена тутъ же въ печи.

«Однако почесавъ затылки, погоревавъ и опомнившись, предприимчивые и рѣшительные строители не упали духомъ: давай собирать, что осталось; иное было тутъ и тамъ, иное успѣли вовремя выхватить и спасти отъ вѣчнаго истребленія, и—черезъ недѣлю поспѣла новая пирамида, ни въ чемъ не уступавшая первой. Она красовалась на маскарадѣ 31-го декабря 1817 года. Первенство осталось на сей разъ за нею, за первой ротой. Это подтверждали всѣ, обхаживая вокругъ и любясь необыкновенно пестрыми и кудравыми вензелями. Подтверждали даже и самъ вѣвукъ директора, который былъ такъ же знаменитъ, что, во уваженіе общей радости и удовольствія на маскарадѣ, и не поминалъ о томъ участіи, какое принималъ онъ въ сооруженіи этого знаменитаго зданія.

«Теперь, кончивъ разсказъ, я васъ спрошу: что это такое? чего вы ожидаете отъ такого воспитателя? Но вы опять отвѣчаете мнѣ, что это либо выдумка злословца, либо примѣръ, который въ примѣръ не годится, потому что представляетъ неслыханное исключеніе. Итакъ, возьмемъ что нибудь обиходное.

«Начальникъ, при воспитанникѣ, спрашиваетъ въ сомнѣніи: исполняется ли такое-то правило или приказаніе? И воспитатель удостоиваетъ его въ этомъ самымъ положительнымъ образомъ, не смигивая глазомъ, хотя и жметъ наголо.

«Воспитанникъ зналъ дома два чужихъ языка и позабылъ ихъ въ заведеніи на половину, а воспитатель увѣряетъ радушнаго посѣтителя на испытаніи, что мальчикъ выучился этимъ языкамъ здѣсь.

«Воспитатель ходитъ въ церковь, или водить туда мальчиновъ по положенію, при начальникѣ даже много и часто крестится; но понятіи и убѣжденіи его о вѣрѣ и вѣчности не могутъ укрыться отъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ проводилъ по нѣскольку часовъ въ день, если бы это и были малолѣтки. Облыжность, ханжество, бовѣстность,

самотнячество, въ каквѣхъ бы мелкихъ в скрытныхъ видахъ и размѣрахъ оно ни проявлялось, принципивѣ чумы и поражаетъ вонругъ себя все, что не бѣжитъ безъ оглядки. Но, можетъ быть, всего этого нѣтъ и не бывало и быть не можетъ, все это выдумка и клевета? Вотъ такое-то отрицательное направлеше насъ и губить; донесенія о *благополучіи* ослѣпительны, какъ вешній снѣгъ.

«Не будемъ спорить, я ищу и желаю совсѣмъ инаго. Выкиньте всѣ примѣры мои, какъ непригодные къ дѣлу, и вставьте свои, то есть случаи, намъ самимъ извѣстные. Поройтесь въ памяти: вы ихъ найдете. Подведите къ нимъ мое имя, пожалуй, также свое заключеніе—в оно ничѣмъ не будетъ разниться отъ того, что сказано, по глубокому и полному убѣжденію, въ этой статейкѣ:

«Воспитатель, въ отношеніи нравственномъ, самъ долженъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ сдѣлать воспитанника,—по крайней мѣрѣ, долженъ искренно и умирительно желать быть такимъ и всѣми силами къ тому стремиться.

«Но вы скажете: ангеловъ совершенства пѣть въ землѣ, мы всѣ люди» для того-то я, сказавъ: «Воспитатель долженъ быть такимъ», прибавилъ: «или искренно хотѣть быть такимъ, и всѣми силами къ тому стремиться». Будь же онъ прямъ и правдивъ, желай и ищи добра: этого довольно. Ищи овъ случая въ присутствіи воспитанниковъ, но безъ похвалы, безъ магійшаго тщеславія, сознаваться въ ошибкахъ своихъ,—и одишь подобный примѣръ направилъ на добрый путь десятки малолѣтковъ.

«Вотъ въ чемъ заключается наука нравственнаго воспитанія».